

УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44
П27

Arturo Pérez-Reverte

LA REINA DEL SUR

Copyright © Arturo Pérez-Reverte 2002

Фото автора © Photo by Victoria Iglesias, 2013

Перевод с испанского *Натальи Кирилловой*

Разработка серии *Ф. Барбьешева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбьешева*

Перес-Реверте, Артуро.

П27 Королева Юга / Артуро Перес-Реверте ; [пер. с исп. Н. С. Кирилловой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 592 с.

ISBN 978-5-04-088965-5

Скандально известный роман классика современной испанской литературы Артуро Перес-Реверте «Королева Юга».

Она появилась, когда владельцы опасного бизнеса искали альтернативные пути в Европу. Она превратила любительское объединение в четко работающую транснациональную корпорацию. В восточном Средиземноморье она создала свою «белую» империю. Она вытеснила с рынка конкурентов, которые стремились пустить корни в регионе. Собственного товара у нее никогда не было, но почти все зависело от нее. По трупам своих мужчин девушка из низов восходила к вершинам власти и могущества. Она стала Королевой Юга.

**УДК 821.134.2-312.4
ББК 84(4Исп)-44**

© Кириллова Н., перевод
на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-088965-5 ООО «Издательство «Э», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Артуро Перес-Реверте

КОРОЛЕВА ЮГА

Ответственный редактор *Д. Обгольц*

Младший редактор *Е. Долматова*

Художественный редактор *А. Сауков*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251-58-12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,

в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 18.10.2017. Формат 84x108¹/₃₂.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,08.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-04-088965-5

9 785040 889655 >

В электронном виде книга доступна на мониторе
ссылка на www.libres.ru

ЛитРес:
лучше читать онлайн

Эльмеру Мендосе,
Хулио Берналю
и Сесару Бэтмену Гуэмесу.
За дружбу. За балладу.

Запищал телефон, и она поняла, что ее убьют. Поняла так отчетливо, что застыла с бритвой в руке, с прилипшими клицу волосами, окутанная паром, который каплями оседал на кафельных плитках. Бип-бип. Она сидела не шевелясь, затаив дыхание, словно молчание и неподвижность могли изменить то, что уже произошло. Бип-бип. Она брила правую ногу, сидя в ванне, по пояс в горячей мыльной воде, но ее кожа покрылась мурашками, будто вдруг сорвало холодный кран. Бип-бип. Из спальни, из стереоколонок, доносились голоса «Лос Тигрес дель Норте», распевавших истории о Камелии из Техаса. «Предательство и контрабанду, — пели они, — их не разделишь ни с кем». Она всегда боялась таких песен — боялась, что в них таится предсказание. И вот они превратились в угрозу и кошмарную действительность. Блондин подшучивал над ней; однако верещание телефона доказывало, что она права, а он — нет. А кроме правоты, этот резкий писк отнимал у него и кое-что еще. Бип-бип. Она положила бритву, медленно выбралась из ванны и направилась в спаль-

ню, оставляя за собой мокрые следы. Телефон лежал на кровати, маленький, черный и зловещий. Она смотрела на него, не осмеливаясь протянуть руку. Бип-бип. Застыв от ужаса. Бип-бип. Этот звук сливался с песней, как будто сам был ее частью. «Обычай контрабандистов, — продолжали петь «Лос Тигрес», — прощать не велит ничего». Блондин произнес почти то же самое, смеясь, как обычно, и поглаживая ее по затылку, — произнес тогда, бросив телефон ей на колени. Если он когда-нибудь зазвонит, это будет означать, что я погиб. Тогда беги. Беги что есть духу, смугляночка моя. Беги и не останавливайся, потому что меня уже не будет, и я не смогу прийти на помощь. А если добежишь куда-нибудь живой, выпей стаканчик текилы в память обо мне. В память о наших хороших минутах, девочка. В память о хороших минутах. Таким вот — отважным и безответственным — был Блондин Давила. Виртуоз «Сессы». «Король короткой рулежки» так называли его друзья, и дон Эпифанио Варгас тоже звал его так. Блондин умел поднять свой самолет, битком набитый марихуаной или кокаином, с полосы длиной едва ли три сотни метров или носиться в кромешной ночной тьме, чуть не касаясь воды, через границу — туда и обратно, уклоняясь от радаров федеральной полиции и ястребов-перехватчиков ДЭА¹.

Он умел жить на острие ножа, разыгрывая собственные карты за спиной хозяев. И умел проигрывать.

У ее ног собралась лужа. Телефон продолжал пищать, и она поняла, что не обязательно отвечать и убеждаться, что Блондина настигла предсказанная им самим судьба. И этого вполне достаточно, чтобы выполнить его инструкцию и броситься бежать; но не-

1 Департамент правительства США по борьбе с наркотиками (аббревиатура от *англ.* Drug Enforcement Administration). — *Здесь и далее прим. переводчика.*

легко смириться, что обычный звонок телефона способен резко изменить всю жизнь — твою жизнь. Поэтому она дотянулась до трубки, нажала кнопку и стала слушать.

— *Блондина грохнули, Тереса.*

Голоса она не узнала. У Блондина были друзья, некоторые — верные, повязанные кодексом тех времен, когда они провозили через Эль-Пасо в Соединенные Штаты в покрывах своих машин пакетики с белым порошком. Это мог быть любой — может, Чистюля Росас, а может, Рамиро Васкес. Она не поняла, кто ей звонит, да это и не нужно, потому что смысл был совершенно ясен. «Блондина грохнули, — повторил голос. — С ним разобрались, и с его двоюродным братом тоже. Теперь настал черед семьи брата — и твой. Так что беги что есть мочи. Беги и не останавливайся». Потом в трубке раздались гудки, и она, взглянув на свои мокрые ноги на мокром полу, вдруг осознала, что дрожит от холода и страха. И подумала: кто бы ни звонил, он повторил те же слова, что говорил Блондин. Она представила, как этот человек кивает, внимательно слушая, в дыму, среди стаканов какой-нибудь таверны, сидя за столом напротив Блондина, а тот покуривает косячок, как обычно, закинув ногу на ногу: остроносые ковбойские сапоги из змеиной кожи, шейный платок под воротом рубашки, летная куртка на спинке стула, короткие светлые волосы, дерзкая, уверенная улыбка. Ты делаешь это ради меня, браток, если меня грохнут. Ты велишь ей бежать и не останавливаться, потому что ее они тоже захотят убрать.

Внезапно ее охватила паника — полная противоположность недавнему холодному ужасу. Взрыв растерянности и безумия, от которого она вскрикнула — коротко, сухо — и схватилась за голову. Ноги вдруг перестали держать ее, и она села — рухнула — на кровать. Обвела

взглядом комнату: белая и золоченая лепнина изголовья, картины на стенах — аккуратные пейзажи с парами, гуляющими в свете закатного солнца, выстроившиеся на консоли фарфоровые фигурки — она собирала их, чтобы их с Блондином жилище выглядело уютно. И она поняла, что жилищем этот дом быть перестал, а через считанные минуты превратится в западню. В большом зеркале шкафа она увидела себя: голую, мокрую, с прилипшими к лицу темными волосами. Из-под прядей дико глядели черные глаза, вытаращенные от ужаса. Беги и не останавливайся, говорили ей Блондин и тот голос, что повторил его слова. И она бросилась бежать.

На облаке я плыла,
но с неба на землю упала¹

Я всегда полагал, что мексиканские наркобаллады — просто песни, а «Граф Монте-Кристо» — просто роман. Так я и сказал Тересе Мендоса в тот последний день, когда она, окруженная телохранителями и полицейскими, согласилась принять меня в доме, расположенном в районе Чапультепек города Кульякан, штат Синалоа. Упомянув об Эдмоне Дантесе, я спросил, читала ли она эту книгу, а Тереса лишь молча посмотрела на меня таким долгим взглядом, что я начал опасаться, как бы наша беседа на этом и не закончилась. Потом повернулась к дождю, хлеставшему по стеклам, и — не знаю, была ли то тень серого света, сочившегося в комнату через окно, или отсутствующая улыбка, — ее губы сомкнулись в странную, жестокую складку.

— Я не читаю книг, — сказала она.

Я понял, что Тереса лжет, как, несомненно, лгала много, очень много раз за последние двенадцать лет. Мне однако не хотелось задавать неуместные вопросы,

1 В качестве названий глав использованы названия и строки реально существующих наркобаллад.

поэтому я сменил тему. Пройденный ею долгий путь — туда, потом обратно — включал в себя этапы, интересовавшие меня куда больше того, что читает женщина, сидевшая передо мной, — после того, как восемь последних месяцев я шел по ее следам. Не могу сказать, чтобы я был разочарован. Обычно действительность оказывается примитивнее и зауряднее легенды; но в моем деле слово «разочарование» всегда относительно, ибо действительность и легенда — просто рабочий материал. Проблема в том, что невозможно неделями и месяцами жить в состоянии, так сказать, профессиональной одержимости кем-то, не создав себе определенного — разумеется, неточного — представления об этом человеке. Представление, которое укореняется у тебя в голове с такой силой и достоверностью, что потом оказывается трудно (а порой даже излишне) как-то подправлять его основные черты. Кроме того, мы, писатели, пользуемся одной привилегией: те, кто нас читает, с удивительной легкостью принимают нашу точку зрения. Поэтому тем дождливым утром в Кульякане я знал, что женщина, которую я наконец-то вижу перед собой, больше никогда не будет подлинной Тересой Мендоса: уже иная, частично созданная мною, она подменит ее собой и станет той, чью историю, неполную и противоречивую, я восстанавливал, выцарапывая буквально по кусочку у тех, кто знал, любил или ненавидел носящую это имя.

— Зачем вы пришли? — спросила она.

— Мне не хватает одного эпизода вашей жизни. Самого важного.

— Гм... Эпизода, говорите?

— Да.

Она взяла со стола пачку «Фарос» и поднесла к сигарете огонек дешевой пластмассовой зажигалки, качнув головой сидевшему в дальнем углу комнаты чело-

На облаке я плыла, но с неба на землю упала

веку, который уже услужливо привстал, шаря левой рукой в кармане пиджака. Это был зрелый мужчина, массивный, скорее даже толстый, с очень черной шевелюрой и пышными мексиканскими усами.

— Самого важного?

Она положила сигареты и зажигалку на стол — абсолютно симметрично, — не предложив мне. Мне, впрочем, было все равно, поскольку я не курю. На столе лежали еще две пачки сигарет, пепельница и пистолет.

— Наверное, он и вправду самый важный, — прибавила она, — если вы решились прийти сюда сегодня.

Я взглянул на пистолет. «Зиг-зауэр», швейцарского производства. В магазине у таких помещается в шахматном порядке пятнадцать патронов «парабеллум» девятого калибра. На том же столе — и три полных магазина. Золотистые головки крупных пуль были похожи на желуди.

— Да, — ответил я мягко. — То, что произошло двенадцать лет назад. В Синалоа.

Снова безмолвный взгляд. Она достаточно знала обо мне, ибо в ее мире такие вещи, как информация, добываются без особых проблем с помощью денег. А кроме того, три недели назад я послал ей копию своего недописанного материала. Как приманку. Верительные грамоты, дополняющие все остальное.

— Почему я должна вам рассказывать об этом?

— Потому, что я вложил в вас много труда.

Некоторое время она смотрела на меня сквозь сигаретный дым, слегка щурясь, как индейские маски Большого храма¹.

1 Имеется в виду одно из сооружений древнего (начал создаваться в IV веке н. э.) храмового комплекса в Теотиуакане, неподалеку от Мехико.

Потом встала, отошла к бару и вернулась с бутылкой «Эррадура Репосадо» и парой высоких узких стаканчиков, которые мексиканцы называют «кабальито»¹.

Тереса была одета в удобные темные льняные брюки, черную блузку и сандалии, и я заметил, что на ней нет ни драгоценностей, ни бус, ни часов: только серебряный браслет-неделька на правом запястье. Двумя годами раньше — вырезки из прессы лежали у меня в номере, в отеле «Сан-Маркос» — журнал «Ола!» включил ее в число двадцати самых элегантных женщин Испании; это случилось в те же дни, когда газета «Эль Мундо» сообщила о последнем судебном расследовании ее дел на Коста-дель-Соль и ее связи с контрабандой наркотиков. На фотографии с первой полосы можно было скорее угадать, чем рассмотреть ее за стеклом автомобиля; от репортеров ее отгораживали несколько телохранителей в темных очках. Одним был тот усатый толстяк, который сидел сейчас в углу, и наблюдал за мной, делая вид, что вовсе на меня не смотрит.

— Много труда, — повторила она задумчиво, разливая по стаканам текилу.

— Да, много.

Она сделала короткий глоток — стоя, не отрывая от меня взгляда. Ниже ростом, чем казалась на фотографиях или экране телевизора, но ее движения были такими спокойными и уверенными, словно каждый жест естественно перетекал в следующий, не оставляя места ни импровизации, ни сомнению. Может, она никогда больше не сомневается, подумал я вдруг. А еще я убедился, что в свои тридцать пять она, в общем, довольно привлекательна. Хотя, пожалуй, меньше, чем на недавних снимках и на тех, которые то и дело попадались мне — их сохраняли люди, знавшие ее по ту сторону

1 Кабальито (*исп. caballito*) — дословно: конёк.

На облаке я плыла, но с неба на землю упала

Атлантики. Включая черно-белые фото анфас и в профиль на старой учетной карточке полицейского участка в Альхесирасе. Были и видеосъемки с нечетким изображением — они всегда заканчивались тем, что в кадре появлялись верзилы-телохранители и бесцеремонно отталкивали объектив. И на всех изображениях она в своем нынешнем, вполне достойном виде, почти всегда одетая в темное и в черных очках, садилась в дорогие автомобили или выходила из них, выглядывала на террасу в Марбелье (лицо размыто — телекамера никак не попадет на нужную резкость) или загорала на палубе яхты, большой и белой, как снег. Королева Юга и ее легенда. Она появлялась одновременно и на страницах, посвященных светским новостям, и на тех, что отведены происшествиям. Однако существовала еще одна фотография, о которой я не знал ничего; и прежде, чем я — двумя часами позже — вышел из этого дома, Тереса Мендоса неожиданно решила показать ее мне. Она выложила сильно потрепанный, подклеенный сзади скотчем снимок на стол, между полной пепельницей, бутылкой текилы (две трети она опорожнила сама) и «зиг-зауэром» с тремя магазинами, лежавшим там, как предвестник — а на самом деле, как фаталистическое принятие — того, чему суждено было произойти этой ночью. Что же касается самой фотографии, она оказалась самой старой из всех, какие я видел, и притом — всего лишь половиной снимка: вся его левая часть отсутствовала, от нее осталась только мужская рука в рукаве летной куртки, обнимающая за плечи худенькую, смуглую, большеглазую девушку с пышными черными волосами. Девушке было лет двадцать с небольшим; на ней были сильно обтягивающие брюки и грубоватая джинсовая куртка с овчинным воротом, и девушка смотрела в объектив с какой-то нерешительной гримаской, будто собиралась улыбнуться или

только что перестала. Из-под вульгарного, чересчур яркого макияжа в ее взгляде сквозила наивность или ранимость; и она еще больше подчеркивала молодость овального лица — слегка миндалевидные темные глаза, четко очерченный рот, приметы уходящего в глубь времен родства с исконными обитателями этой земли — в форме носа, матовости кожи, надменности вздернутого подбородка. Не красавица, подумал я, но в ней есть что-то особенное. Словно бы некогда совершенная, ныне далекая красота много поколений постепенно растворялась в них, пока не остались отдельные следы прежнего великолепия. И еще эта хрупкость — спокойная, а быть может, доверчивая. Хрупкость, которая расстрогала бы меня, не зная я, кто эта женщина. Наверное, расстрогала бы.

— Я едва узнаю вас.

Это была правда, и я сказал то, что думал. Похоже, мои слова нисколько не задели ее. Она стояла и смотрела на фотографию, лежащую на столе. Стояла довольно долго.

— Я тоже, — произнесла она наконец.

Затем снова убрала ее в сумочку, валявшуюся на диване, кожаное портмоне со своими инициалами, и указала мне на дверь.

— Думаю, этого достаточно, — сказала она.

Тереса выглядела очень усталой. Долгий разговор, табак, бутылка текилы. Темные круги легли у нее под глазами, уже не такими, как на старом снимке. Я встал, застегнул пиджак, протянул ей руку — она едва коснулась ее своею, — еще раз взглянул на пистолет. Толстяк, сидевший в углу, теперь стоял рядом со мной, равнодушный, готовый меня проводить. Я с интересом взглянул на его великолепные сапоги из кожи игуаны, на живот, нависающий над широким, расшитым воллоками агавы ремнем, на угрожающий выступ под

На облаке я плыла, но с неба на землю упала

пиджаком. Когда он открыл дверь, я убедился, что его полнота обманчива и что он все делает левой рукой. Очевидно, правую держит свободной, как рабочий инструмент.

— Надеюсь, все получится как надо, — сказал я.

Следя за моим взглядом, напоследок опять скользнувшим на пистолет, Тереса медленно кивнула, но не в ответ на мои слова. Ее занимали собственные мысли.

— Конечно, — пробормотала она.

Затем я вышел оттуда. Федералы в пуленепробиваемых жилетах, вооруженные автоматами, — те же самые, что тщательно обыскивали меня при входе, — по-прежнему караулили в вестибюле и саду, а возле круглого фонтана у входа стояли армейский фургон и два полицейских «харли-дэвидсона». Еще было пятеро или шестеро журналистов и телекамера под зонтиком, но уже по ту сторону высоких стен, на улице: репортерам не давали подойти ближе солдаты в полевой форме, оцепившие усадьбу. Я свернул направо и пошел под дождем искать такси, ожидавшее меня в квартале оттуда, на углу улицы Генерала Анайи. Теперь я знал то, что нужно, темные закоулки высветились, и каждый кусочек истории Тересы Мендоса — реальной или вымышленной — лег на свое место: начиная от той первой фотографии (или ее половинки) до женщины, которая принимала меня в этом доме с автоматическим пистолетом на столе. Не хватало только развязки; но о ней мне тоже предстояло узнать в ближайшие часы. Так же, как и Тересе, мне оставалось только сесть и ждать.

Прошло двенадцать лет с того дня или вечера, когда Тереса Мендоса бросилась бежать в городе Кульякан. В тот день, ставший началом долгого пути туда и обратно, разумный мир, построенный ею, как она полагала,